

БЕН КАРСОН

В соавторстве с Греггом Льюисом
и Деборой Шоу Льюис

У ТЕБЯ ЕСТЬ МОЗГ

ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ

УДК 177
ББК 87.77
К21

Ben Carson
with Gregg Lewis & Deborah Shaw Lewis
You Have a Brain
Перевод с английского Л. Гуртуевой

Карсон, Бен; Льюис, Грегг; Шоу, Дебора
К21 У тебя есть мозг/Бен Карсон [пер. с англ. Л. Гуртуевой]. —
Заокский: Источник жизни, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-00126-018-9

УДК 177
ББК 87.77

ISBN 978-5-00126-018-9

Copyright © 2015 by American Business
Collaborative, LLC
Published by arrangement with The
Zondervan Corporation, a subsidiary of
HarperCollins Christian Publishing, Inc.
© Перевод на русский язык, издание.
Издательство «Источник жизни», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1.	УДИВИТЕЛЬНЫЙ МОЗГ	5
ГЛАВА 2.	ДУМАЙ НЕ ТОЛЬКО О КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ	11
ГЛАВА 3.	ОТЕЦ УШЕЛ	19
ГЛАВА 4.	КАК МЫ ПОУМНЕЛИ	27
ГЛАВА 5.	КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ	37
ГЛАВА 6.	УКРОЩЕНИЕ ХАРАКТЕРА	47
ГЛАВА 7.	РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	57
ГЛАВА 8.	САМОЕ МУДРОЕ РЕШЕНИЕ	67
ГЛАВА 9.	ОБУЧЕНИЕ В КОЛЛЕДЖЕ	79
ГЛАВА 10.	ПОСТУПЛЕНИЕ В МЕДИЦИНСКУЮ ШКОЛУ	91
ГЛАВА 11.	Я СТАНОВЛЮСЬ НЕЙРОХИРУРГОМ	101
ГЛАВА 12.	И СНОВА БЛИЗНЕЦЫ	113
ГЛАВА 13.	ВЛИЯНИЕ МАТЕРИ	125
ГЛАВА 14.	ТАЛАНТ	139
ГЛАВА 15.	ЧЕСТНОСТЬ	153
ГЛАВА 16.	ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ	165
ГЛАВА 17.	ЛЮБЕЗНОСТЬ	177
ГЛАВА 18.	ЗНАНИЯ	191
ГЛАВА 19.	КНИГИ	203
ГЛАВА 20.	СТРЕМЛЕНИЕ К ГЛУБОКИМ ЗНАНИЯМ	215
ГЛАВА 21.	БОГ	227
ГЛАВА 22.	МЫСЛИ ШИРОКО	237
	ПРИЛОЖЕНИЕ	245

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МОЗГ

Прочитав название книги «У тебя есть мозг», вы, вероятно, подумали: «Ну, и что же тут такого: всем известно, что у нас есть мозг!» Большинство людей даже не задумываются об этом. Мне же приходится об этом думать постоянно. За свою более чем тридцатилетнюю хирургическую практику я провел около пятнадцати тысяч операций, и все они так или иначе были связаны с мозгом. Если подсчитать все изученные мной снимки мозга, то число будет еще большим. Мне довелось узнать очень многое о мозге еще до того, как я начал свою карьеру нейрохирурга. А с тех давних пор знания только увеличились. Наибольший вклад в познания о мозге внесли мои же пациенты.

Кристина была самой старшей из всех пациентов, которым я когда-либо удалял полушарие мозга. Многие годы мы добивались отличных результатов с маленькими детьми, но до встречи с Кристиной я никогда не рассматривал возможность удаления половины мозга у человека, которому уже 21 год. Чем младше ребенок, тем эластичнее сосуды его мозга и тем легче он восстанавливается, так как оставшееся полушарие берет на себя функции удаленной части. Но никто не мог с уверенностью спрогнозировать, как отреагирует на подобное вмешательство мозг человека, перешагнувшего двадцатилетний порог.

У Кристины ежедневно случалось более пятидесяти жесточайших припадков, причина которых скрывалась в одном из полушарий ее мозга. При этом она принимала противосудорожные препараты, без которых приступов было еще больше. Такое состояние было ужасным. Приступы приносили большой вред, и она медленно умирала.

Я сообщил ей и ее семье, что мы готовы пойти на риск и сделать операцию. Удивительно, но после нее она так быстро восстановилась, что уже через несколько месяцев снова стала посещать занятия в колледже. Если раньше ей приходилось прилагать титанические усилия, чтобы получить хотя бы тройку, то после операции ее успеваемость заметно повысилась. Она окончила колледж, стала самостоятельно жить и полностью обеспечивать себя всем необходимым. Последнее, что я слышал о ней, — это то, что она вышла замуж.

Я много путешествую по стране и очень радуюсь, когда встречаю своих бывших пациентов. Большинство из них давно выросли, им уже за двадцать или даже за тридцать лет. «У меня есть семья, — говорят они мне. — Вот моя жена, а это мой сын. Мне хочется, чтобы они с вами познакомились. Я же хочу еще раз поблагодарить вас».

Подобные встречи порой заставляют меня чувствовать себя стариком, но, несмотря на это, я благодарен судьбе за то, что имею возможность видеть плоды своего труда и снова удивляться гибкости и удивительному потенциалу некогда поврежденного и больного мозга. Это просто чудо, что вы можете жить нормальной жизнью, обладая лишь одной его половиной.

Так чем же удивителен и замечателен человеческий мозг?

- В мозге каждого человека имеется 86 миллиардов нейронов, соединенных более чем сотней триллионов нейронных связей (синапсов), изучение которых началось лишь недавно. И это приблизительное число, так как пока их никто не смог сосчитать.

- Мозг начинает развиваться уже с момента зачатия. В течение первых месяцев беременности вашей матери у вас в мозгу формировалось по 400 миллионов нейронов в день.
- Во время бодрствования ваш мозг непрерывно производит электричество, которого хватило бы на то, чтобы заставить полноценно гореть электрическую лампочку малой мощности. Поэтому, когда вы произносите фразу: «Какая яркая идея», можно сказать, что ваше утверждение верно как в фигуральном, так и в буквальном смысле.
- Сенсорные сигналы движутся вдоль альфа-мотонейрона спинного мозга со скоростью 430 километров в час. Это самая быстрая скорость передачи сигнала в организме. Для сравнения: импульс в сенсорных рецепторах кожи передается со скоростью около полутора километров в час, так как эти рецепторы являются одними из самых медленных в организме, поскольку не имеют миелиновой оболочки, которая изолировала бы их и тем самым увеличивала бы скорость их работы.
- Мозг обычного 20-летнего человека имеет 160 тысяч километров нервных волокон, покрытых миелином.
- Мозг не чувствует боли, потому что в нем нет болевых рецепторов. Парадоксально! Орган, контролирующий всю нервную систему, оказывается, не способен испытывать боль! Вот почему можно проводить операции на мозге, не беспокоясь о болевых ощущениях пациента. Людей можно оперировать даже в состоянии бодрствования, так как они при этом не будут ничего чувствовать.
- Невролог Гарвардского университета Джефф Лихтман, пытаясь составить карту мозга, подсчитал, что для хранения подробной структуры понадобился бы объем данных в несколько миллионов петабайт¹.

---

¹ Дэвид Рассел Шиллинг «Знания удваиваются каждые 12 месяцев, а скоро будут удваиваться каждые 12 часов». Industry Tap., 13 апреля 2013 года. <http://www.industrytap.com/knowledge-doubling-every-12-months-soon-to-be-every-12-hours/3950>

Когда ученые пытаются количественно оценить способности человеческого мозга, цифры получаются настолько большие, что мы не можем их осмыслить. Потенциал нашего ума в буквальном смысле невероятен.

За последние годы мои познания о человеческом мозге значительно расширились, превратившись в чувство, которое я могу описать только словом «восторг». Каждый раз, когда я вскрываю черепную коробку ребенка и вижу мозг, я изумляюсь его непостижимой тайне. Именно в нем сокрыта суть того, кто мы есть. Именно в нем хранятся все наши воспоминания, мысли и мечты. Благодаря мозгу мы отличаемся друг от друга в миллионах разных нюансов.

Осознаете ли вы, что никакой суперкомпьютер на земле никогда не сможет даже приблизиться к способностям среднего человеческого мозга? Мозг — самый сложный орган во Вселенной, и это величайший Божий дар. Нейронных связей в нем в сотни раз больше, чем звезд в галактике Млечный Путь.

Когда я выступаю перед тысячной аудиторией, я часто привожу такой пример: если пригласить на сцену девушку, позвать её на одну секунду взглянуть на зрителей, а затем вывести её из зала, то через пятьдесят лет можно, вскрыв черепную коробку, ввести в её мозг электроды, простимулировать соответствующую область, и эта девушка не только вспомнит, кто где сидел, но и то, во что каждый из присутствующих был одет.

Мозг воспринимает, сортирует и хранит весь поток сенсорной информации, поступающей к нему со скоростью миллионов байт в секунду. Он является контрольным и командным центром всех наших органов и чувств, следит за функционированием каждой системы в нашем организме — дыхательной, кровеносной и прочих, включая и температуру тела. Что еще удивительнее, большая часть этой работы выполняется мозгом автоматически, буквально без единой мысли об этих процессах с нашей стороны.

Мозг дает нам возможность использовать воображение, заниматься творчеством и находить выход из сложных ситуаций. Он наделен способностью извлекать данные из прошлого, собирать информацию в настоящем и прогнозировать будущее, а это означает, что мы — единственные существа на земле, способные анализировать, вырабатывать стратегию и расставлять приоритеты так, чтобы влиять на окружающий нас мир. Это отличает нас от животных, которые реагируют только на то, что происходит вокруг них.

Тем не менее, когда я был ребенком, я даже не предполагал, на что способен мой мозг. Мои одноклассники считали меня первым болваном в классе, а я не видел оснований оспаривать это заключение.

Но моя мать всегда верила в меня. Она знала, что у меня есть мозг, и была убеждена, что он может стать моим билетом в больший, лучший мир, лежавший за пределами нашего крошечного дома и жизни на широких городских улицах Детройта.

И она оказалась права.

ДУМАЙ НЕ ТОЛЬКО О КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ

Я не помню, когда мама в первый раз спросила меня: «Чем ты думал? У тебя вообще есть мозги?» Пока я рос, я настолько часто слышал эти слова, что вспомнить все случаи просто невозможно, не говоря уже о том, чтобы расположить их в хронологическом порядке. Когда я размышляю об этом, в памяти возникает один яркий случай из детства. Мы с братом Куртисом как-то получили в подарок пистолет, стрелявший шариками, и нам очень хотелось его опробовать.

Вытащив из мусорного ведра в кухне пустую жестяную банку, мы отправились на улицу попрактиковаться в стрельбе. Банка была у меня в руках, а Куртис как более старший нес пистолет. Почти сразу мы нашли идеальную стойку для мишени. Вместо того чтобы поставить банку на плоскую поверхность, мы перевернули ее вверх дном и надели на проволочные зубцы, торчавшие из плетеной ограды между домами. В таком положении банка могла болтаться, вибрировать и, возможно, даже вращаться от удара, не падая при этом с забора. Нам не хотелось бегать и подбирать мишень после каждого попадания в нее. Первым стрелял Куртис. Я не знаю, сколько выстрелов он произвел, прежде чем банка наконец-то звякнула. Я же к тому времени уже видел по телевизору такие фильмы, как «Одинокий

рейнджер» и «Стрелок», и у меня были хороший глаз и твердая рука. Было интересно, насколько сложно превзойти Куртиса. Я был уверен, что легко справлюсь с этой задачей.

Но не тут-то было. Не помню (да и не хочу вспоминать), сколько раз я промазал, прежде чем наконец раздался первый жестяной звон моего успеха. Это оказалось труднее, чем выглядело по телевизору. Я не мог понять, как целиться, поскольку не был уверен, в какую сторону от мишени ушла «пуля». А мой брат, без умолку дававший советы, отнюдь не помогал сосредоточиться.

Но по мере того как частота попаданий росла, наша прицельная стрельба приносила нам все больше веселья. Наконец у нас закончились шарики, и мы вернулись в дом, обсуждая, где нам найти достаточно мелочи, чтобы купить дополнительные «боеприпасы». Мы еще не пришли к решению проблемы нехватки денег, как к нам пришел сосед, желая поговорить с мисс Карсон. В руках он держал какой-то длинный и плоский сверток. Я не мог точно определить, что это, пока он не развернул предмет и не показал его маме.

Я не уверен, поняла ли она, что именно он ей хочет показать и зачем. Но я-то понял сразу. И если бы у меня в тот момент была волшебная палочка, я бы взмахнул ею, и — пуф! Мы бы с Куртисом исчезли.

Я догадался, что сосед держит секцию ширмы со своей задней веранды. Пластиковую панель, испещренную множеством маленьких отверстий размером с металлический шарик. Понятно, что ширма находилась за забором, где торчала наша консервная банка, по которой мы стреляли большую часть дня.

По выражению лица соседа было ясно, что он, мягко говоря, недоволен. Тем не менее он вежливо спросил: «Мисс Карсон, не могли бы вы, или, возможно, ваши мальчишки, объяснить мне вот это?»

Мы с Куртисом переглянулись. Во время стрельбы мамы дома не было, поэтому она ничего не знала о нашей забаве с ми-

шенью. И мы всерьез сомневались, что у нее было достаточно опыта обращения с шариковыми пистолетами, чтобы она поняла, что означают эти отверстия. Когда в поисках объяснений она повернулась к нам, у нас не было других вариантов, как признаться. Мы не собирались лгать матери. Также мы не хотели, чтобы сосед решил, будто ей об этом что-то известно.

Мы полностью признали свою вину и принесли свои глубочайшие извинения. Объяснили, что и как мы делали с пресловутой жестяной банкой. Мы отчаянно надеялись — сосед и мама поймут, что мы не нарочно повредили эту ширму и на самом деле понятия не имели о том, что портим чужое имущество, пока он не пришел и не представил вещественные доказательства.

Мама была немногословной. Она казалась скорее разочарованной (и, может быть, немного смущенной), чем сердитой. Сосед внимательно выслушал все наши объяснения и извинения. Очевидно, он поверил нашему рассказу о случившемся, поэтому извинения были приняты. Но он не собирался игнорировать последствия нашего поступка. «Мне придется заменить всю эту часть ширмы, — сказал он нам. — А бесплатно никто этого не сделает».

Мы с Куртисом заверили его, что у нас нет денег, чтобы заплатить за причиненный ущерб. Оглядываясь назад, я уверен, что сосед и без того это знал. Только этим можно объяснить, насколько быстро он предложил решение. Ему придется купить другую ширму. И как только он узнает, сколько она стоит, мы с Куртисом сможем отработать свой долг, делая для него мелкую работу по дому и во дворе, пока он не сочтет, что мы выполнили свои финансовые обязательства.

Мы согласились, что это будет справедливо по отношению к нам. Однако было понятно, что наша мама не считает проблему полностью решенной.

Как только мужчина ушел, она повернулась к нам, внимательно посмотрела на нас и спросила:

«Мальчики, у вас есть мозги? Вы стреляли в сторону соседского дома! Разве вам не приходило в голову, что вы можете попасть не только в эту банку? Разве не было ясно, что ваши шарики еще куда-нибудь полетят? И конечно же, они полетели намного дальше, чем вы планировали или представляли. Вы могли в кого-нибудь попасть! Но, мальчики, вы же оба неглупые. Вам нужно научиться пользоваться мозгами, которыми наделил вас Бог, и думать не только о консервной банке!»

Несколько секунд она пристально глядела на Куртиса, а потом устремила взгляд на меня.

«Вы понимаете, о чем я говорю?» — переспросила она.

Мы оба заверили ее, что понимаем.

Закончила она разговор тем, что конфисковала пистолет, вернув его только тогда, когда мы отработали свой долг перед соседом и доказали, что можем быть более ответственными.

***

Это был, конечно, не первый и не последний раз, когда мама спрашивала о наличии у нас разума. Она часто поднимала этот вопрос; это был своеобразный тест, и в течение первых восемнадцати лет моей жизни он задавался по самым разным поводам. И мне, вероятно, не пришлось бы долго думать, чтобы вспомнить случаи, когда она задавала этот вопрос.

Большинство моих сегодняшних друзей не удивились бы, если бы узнали, что в детстве я был довольно покладистым и в основном воспитанным ребенком, но при этом очень вспыльчивым, что доставляло мне немало проблем в школе.

Вспоминаю, как однажды я затеял драку с мальчиком, который меня обозвал. Обычно это не выводило меня из себя. Но в тот конкретный день та конкретная, теперь уже забытая дразнилка меня сильно разозлила. Поэтому я обозвал его в ответ. Один из нас толкнул другого. Кто-то крикнул: «Поддай ему!» И понеслось. Когда нас разнял учитель, мы больше толкались

и дергали друг друга, чем работали кулаками. Подозреваю, что ведущие счет болельщики в толпе, собравшейся вокруг нас, оценили нашу драку как скучную ничью.

Но нас обоих отправили в кабинет директора, а родителей вызвали в школу. Мама не смогла прийти и забрать меня, поэтому я остался там до конца уроков и пришел домой, как обычно. Когда она вернулась с работы, я заметил на ее лице беспокойство и разочарование.

Она посмотрела на меня и спросила:

— Позволь сразу перейти к делу. Из-за того, что кто-то отпустил какую-то шутку, как-то там тебя обозвал, ты полез в драку, которая привела ко всем этим неприятностям в школе?

Я начал было рассказывать, что не я все это начал, но не закончил еще первого предложения, как она прервала мои объяснения вопросом:

— Бенни, у тебя есть ум?

Я знал ответ, который она ожидала, но зачем тогда спрашивать? Я поднял глаза, посмотрел на нее и тихо ответил:

— Да, есть.

— Тогда нужно им пользоваться, Бенни!

Она еще не закончила.

— И мне все равно, что сказал этот другой мальчик. Дело вообще не в его словах. Завтра о них никто и не вспомнит. Они и сегодня что-то значили только для тебя одного! Но что действительно важно, так это твоя реакция, твое поведение! И ты единственный, кто может это контролировать, но только при условии, если будешь пользоваться мозгами и смотреть шире в каждой конкретной ситуации...

***

Мама знала много разных способов передать одну и ту же мысль. У меня же с трудом получалось выразить словами свое разочарование и негодование. Несправедливо, что она никогда не обращает внимания на поведение других — даже когда

они явно виноваты — и вместо этого говорит только о моей реакции. Почему она не понимает самых простых вещей?

Мама продолжала говорить, а ее слова прервали мои внутренние доводы. И мне показалось, что она услышала мои мысли.

— Если ты позволишь чужим словам и действиям определять, что тебе делать, нет никакого смысла иметь собственный разум. Пользуйся своим мозгом, он дан тебе Богом...

Вот оно! Я знал, что она это скажет. Мама продолжила:

— ...чтобы принимать решения, избирать свой путь. Не позволяй словам и поступкам других людей лишит тебя этой возможности; это только твоя ответственность. Даже в самые сложные моменты тебе нужно включать свой мозг и думать. Не поддавайся на провокации окружающих, ведь так просто сделать какую-нибудь глупость или совершить ошибку, о которой ты через секунду пожалеешь. Или пожалеешь на следующий день. А возможно, будешь жалеть всю жизнь. Иными словами, мысли широко, смотри на ситуацию объективно, в контексте всей жизни. Не сосредотачивайся на чем-то одном, как в случае с консервной банкой.

Девяносто процентов всех жизненных советов, которыми щедро одаривала нас мама, заключались в одной-единственной фразе: «У вас есть мозг — пользуйтесь им». Бог дал нам мозг, дал нам разум. Вместе с ним — способность понимать, откуда ветер дует, и, возможно, даже использовать этот «ветер» с пользой для себя. Поэтому мы с Куртисом не слышали этих привычных речей только в том случае, если у нас все было идеально. Этот вопрос был самой предсказуемой (а иногда и единственной) реакцией мамы, когда один из нас бежал к ней, жалуясь на то, что сказал или сделал другой.

— У вас, мальчики, есть что-нибудь в голове?

Да, конечно. Нам даже не приходилось отвечать вслух. Можно было кивать или просто опустить пониже подбородки.

— В таком случае у вас, конечно, есть и разум, так что улаживайте это между собой.

Если же мы начинали ныть по поводу сломанного велосипеда или чего-то еще, что необходимо было починить, она просто смотрела на нас и спрашивала:

— У вас есть голова на плечах? — тут она делала паузу для усиления эффекта. — Тогда я готова поспорить, что вы сообщите, как исправить эту штуку.

Иногда она не говорила ни слова, а просто одаривала нас красноречивым взглядом, говорившим яснее любых слов: «Включайте свою голову».

Доходило до того, что мы даже не утруждались сообщать ей о всяких мелочах, например, о том, что потерялась важная деталь какой-нибудь игры. Мы просто «включали голову» и придумывали, чем можно ее заменить.

Любые наши оправдания были всего лишь еще одним рычагом, запускавшим механизм все тех же привычных вопросов. «Вчера вечером мне просто не хватило времени, чтобы доделать домашнюю работу по математике. Пока я справился со всеми домашними делами, уже пора было ложиться спать; я настолько сильно устал, что валился с ног». Подобные оправдания приводили к длинной лекции о разуме, о мудрости в расстановке приоритетов, об управлении временем, об ответственности за свои поступки, поведение, жизнь и так далее.

Когда жизнь вставляла нам палки в колеса, сводя нас с непростыми людьми или, казалось бы, непреодолимыми препятствиями, рядом неизбежно оказывалась мама со своим извечным вопросом. Она свято верила в то, что мы найдем разумный способ справиться с любыми проблемами, поскольку у каждого из нас была голова на плечах. Каким-то образом, несмотря на отсутствие формального образования (мама окончила только три класса) или, напротив, осознавая это свое упущение, она глубоко ценила и уважала потенциал человеческого мозга и верила в него как никто другой. Она не присутствовала ни на одном уроке биологии, анатомии или неврологии (во времена моего детства она, вероятно, и не

подозревала, что существует область науки, называемая неврологией). И все же была убеждена, что величайшей драгоценностью, с которым родились она сама, оба ее сына и все остальные люди, является наш мозг.

Сам факт того, что мы понимали подлинный смысл этого вопроса и мамины намерения, за ним стоявшие, все еще не означал, что нам нравилось его слышать. Он настолько часто звучал в нашей семье, что мы с Куртисом порой страшились даже самой вероятности снова наступить на уже знакомые грабли, но никогда не воспринимали его как оскорбление в сторону нашего интеллекта. Мы знали: мама твердо верит, что ответом на ее вопрос может быть только громогласное «да». И она регулярно напоминала нам об этом. Мы никогда не воспринимали мамины слова как какое-нибудь скептическое или критическое суждение о наших умственных способностях. На самом деле как раз наоборот. Всякий раз, когда мама интересовалась, обладаю ли я разумом, я чувствовал степень возлагаемых на меня надежд. Мы оба хорошо знали, что она убеждена: мой мозг способен на большее.

Этот риторический вопрос служил для меня скорее посылком к действию, чем упреком или простым напоминанием. Он внушал уверенность и надежду, что я смогу справиться с любыми трудностями и проблемами на жизненном пути; конечно, если только я соблаговолю воспользоваться этим чудесным ресурсом. Неважно, с какими обстоятельствами я столкнусь, ведь у меня есть возможность каждое утро вставать с постели и «мыслить широко».

Поскольку в это верила мама, верил и я. И, как оказалось, это уже немало, ибо вскоре жизнь подбросила нам в качестве испытаний несколько серьезных проблем.

ОТЕЦ УШЕЛ

Когда я был маленьким, я едва мог дождаться вечера, когда отец вернется с работы. Я сидел на крыльце и глядел во все глаза, пока не замечал, как он шагает к дому по аллее. Тогда я бежал ему навстречу и кидался в его объятия. Он нес меня к дому, подбрасывая в воздух, смеясь и болтая со мной. Будучи школьником, я стал замечать, что отец проводит с нами все меньше и меньше времени, но все равно считал, что у нас счастливая семья.

Мне было восемь лет, а моему брату Куртису десять, когда мама посадила нас напротив себя и сообщила: «Мальчики, ваш отец никогда уже не вернется в этот дом. Он больше не намерен жить с нами».

Заливаясь слезами, я умолял маму объяснить, почему он ушел. Я упрашивал ее заставить папу вернуться. Она ответила, что не может этого сделать, и наконец позволила себе пояснить: «Твой отец совершил кое-что по-настоящему плохое». Я понятия не имел, что это могло означать, поэтому долго молился, чтобы отец вернулся и попросил прощения. Мама простит его, и мы все снова будем жить вместе. Когда я рассказал маме, о чем прошу Бога, она ответила, что не все так просто. Но я так ничего и не понял.

Спустя несколько лет я узнал, что задолго до моего рождения отец начал вести двойную жизнь — с другой женой и

другими детьми. Когда мама узнала об этом, она заявила ему, что не может и не станет жить с ним. Тогда он собрал вещи и отправился к своей второй семье.

Уходя, отец забрал все деньги, в том числе и те скромные средства, которые мама сумела накопить за последние годы, не оставив ей ни сбережений, ни доходов — ничего, кроме небольшого дома и двух непоседливых сыновей, которых ей пришлось поднимать в одиночку. Вскоре он перестал выплачивать алименты. Дело осложнялось тем, что мама никогда раньше не работала, не имела профессиональных трудовых навыков, и за плечами у нее было всего-навсего три класса образования. Единственной ее профессией была профессия домохозяйки. Поэтому она стала убирать чужие дома, заботиться о чужих детях и иногда стирать для двух, трех или более богатых семей.

По утрам она уходила еще до рассвета и возвращалась со своей второй или третьей работы тогда, когда мы с Куртисом уже спали. Это означало, что иногда мы не видели ее по двое-трое суток. Она звонила нам домой, чтобы проверить, пришли ли мы из школы, убедиться, что мы дома, узнать, как у нас прошел день, и выслушать отчет о том, как мы исполнили свои обязанности по дому. И прежде чем разрешить нам поиграть на улице, она всегда интересовалась, выполнили ли мы домашние задания. Когда в холодильнике не было готовой еды, которую можно было бы разогреть на ужин, то обязательно находились ингредиенты для простых и питательных блюд, которые мы готовили сами.

Прежде всю нашу сознательную жизнь мама была с нами рядом; и теперь, когда она стала подолгу отсутствовать, нам стало тревожно за нее. Мы догадывались, что все эти перемены были для нее так же трудны, как и для нас. И, конечно же, работа нещадно изматывала ее. Но она объяснила нам с братом, что должна работать как можно больше, использовать каждый час, охватить столько семей, сколько поместится в ее